

ПОХОДЪ БРАВЛИНА.

(СУРОЖСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Въ нашихъ старыхъ рукописныхъ сборникахъ, минеяхъ и торжественникахъ встрѣчается разсказъ, какъ, вскорѣ по кончинѣ св. Стефана Сурожскаго, стало быть въ концѣ VIII или въ началѣ IX вѣка,—на Сурожъ, теперешній Судакъ, напалъ русскій князь Бравлинъ. Онъ пришелъ изъ Новгорода, и, прежде чѣмъ осадить Сурожъ, опустошилъ все побережье Чернаго моря, отъ Корсуня до Керчи. Десять дней продолжалась осада Сурожа, но на одиннадцатый, когда удалось взломать Желѣзные ворота, городъ палъ и былъ преданъ грабежу. Съ мечомъ въ рукѣ, самъ Бравлинъ бросился къ св. Софїи, гдѣ покоились въ драгоцѣнной рацѣ мощи святого Стефана, разсѣкъ двери храма и захватилъ его сокровища. Но тутъ случилось чудо. У раки святого постигъ князя параличъ. Понявъ кару свыше, Бравлинъ вернулъ храму все захваченное, и, когда это не помогло, приказалъ своимъ воинамъ очистить городъ, отдать святому Стефану всю награбленную въ Крыму церковную утварь и, наконецъ, рѣшилъ креститься. Приѣмникъ святого Стефана архіепископъ Филаретъ, въ сослуженїи мѣстнаго духовенства, тутъ же совершилъ крещеніе князя, а затѣмъ и его бояръ. Послѣ этого Бравлинъ почувствовалъ облегченіе, но полное исцѣленіе получилъ лишь, когда, по совѣту духовенства, далъ обѣтъ освободить всѣхъ плѣнныхъ, захваченныхъ на крымскомъ побережѣ. Внеся богатый вкладъ святому Стефану и почитивъ своимъ привѣтомъ мѣстное населеніе, князь Бравлинъ удалился изъ Сурожскихъ предѣловъ.

Таково содержаніе легенды, которая представляетъ для насъ, русскихъ, несомнѣнный интересъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Сурожская легенда говоритъ объ историческомъ фактѣ, неизвѣстномъ намъ ни по лѣтописи, ни по другимъ источникамъ. Она называетъ имена дѣйствующихъ лицъ и мѣсто дѣйствїя, устанавливаетъ приблизительную дату событїя, и всѣмъ этимъ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на эпоху, на полстолѣтїя пред-

шествующую той, съ которой мы привыкли связывать выступленіе русскихъ на историческую арену.

Самъ по себѣ фактъ отвѣчаетъ возможностямъ времени. Нынѣ окончательно установлено, что походъ русскихъ на Царьградъ времени Аскольда и Дира, отнесенный лѣтописью къ 866-му году, имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности въ 860-мъ году, т.-е. ранѣе официальной даты бытія Руси. Но если въ половинѣ девятаго вѣка могъ быть совершонъ морской походъ на дальній Царьградъ, то мысль о болѣе раннихъ походахъ на болѣе близкія крымскія колоніи напрашивается сама собой.

Пусть передъ нами только легенда, носящая яркую религіозную окраску, но если ея показанія не противорѣчатъ исторической обстановкѣ, то нѣтъ основаній отвергать иллюстрируемый ею фактъ. Вѣдь, какъ показалъ недавно обнаруженный отрывокъ изъ житія Василія Новаго, самыя фантастическія произведенія агиографической литературы передаютъ иногда безусловно точно отчетъ о событіи.

Наша Сурожская легенда связана съ именемъ Стефана Сурожскаго. Св. Стефанъ—лицо историческое и память о немъ закрѣплена минологіемъ *) Василія конца X вѣка. По этому минологію св. Стефанъ пострадалъ за иконы при царѣ Константинѣ Копронимѣ (741—775 г.), и нѣтъ никакого сомнѣнія, что это его подпись дошла до насъ въ протоколѣ пятаго засѣданія на седьмомъ вселенскомъ Никейскомъ соборѣ 787-го года («Стефанъ, недостойный епископъ города Сугдайскаго, охотно принимая все выше описанное, подписался»). Сугдею или Сугдаю русскіе называли Сурожемъ).

То обстоятельство, что греческая церковь не празднуетъ памяти этого святого, не должно смущать изслѣдователя, такъ какъ Стефанъ Сурожскій былъ мѣстный святой, и чествованіе его могло не выходить за мѣстные крымскіе предѣлы. А что въ Крыму, и именно въ Сурожѣ, онъ былъ почитаемъ,—доказываетъ Сугдейскій синаксарій XII вѣка, найденный въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ библиотекѣ греческой богословской школы на островѣ Халки (близъ Константинополя).

Въ немъ помѣщено краткое житіе Стефана Сурожскаго и на поляхъ сдѣланы помѣтки послѣдующими обладателями рукописи XIII и XV вѣковъ, помѣтки, относящіяся къ интересамъ и событіямъ мѣстной сурожской жизни. Изъ этихъ помѣтокъ можно заключить, что память св. Стефана праздновалась, какъ у насъ теперь, 15-го декабря, что мощи его покоились въ алтарѣ св. Софіи, и что въ Сурожѣ въ честь его была построена церковь, которую, вмѣстѣ съ св. Софіею, разрушилъ въ 1327-мъ году нѣкій Агачъ Пасли. Уцѣлѣли ли при этомъ мощи св. Стефана и сохранялись ли онѣ послѣ того въ Сурожѣ до времени окончательнаго разгрома города турками, въ концѣ XV вѣка, не выяснено.

Но если мы не знаемъ ни одного подробнаго греческаго житія Стефана Сурожскаго съ приведеніемъ посмертныхъ чудесъ и въ томъ же числѣ чуда съ русскимъ княземъ Бравлинымъ, то такія житія святого въ древнерусской литературѣ XV—XVI вѣка не составляютъ исключенія.

*) Мѣсяцесловъ.

Еще въ началѣ XV вѣка въ Москву прибылъ изъ Сурожа Стефанъ Васильевичъ Сурожскій (родоначальникъ Головиныхъ и Третьяковыхъ), и, можетъ быть, онъ-то и завезъ на Русь житіе св. Стефана, какъ остроумно догадывается В. Васильевскій въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Житіи свв. Георгія Амостридскаго и Стефана Сурожскаго». Вѣроятно, переводомъ на русскій языкъ онъ и популяризировалъ привезенное житіе.

Для успѣха такой популяризаціи почва была вполне подготовлена постоянными торговыми связями русскихъ съ сурожцами. Шелковые сурожскіе товары были въ большомъ ходу, а въ Новгородѣ былъ особый Сурожскій дворъ. Русскіе жили въ Сурожѣ, какъ сурожане на Москвѣ, и имя сурожанина не даромъ запечатлѣно въ нашихъ былинахъ.

Изъ помѣтокъ на поляхъ сурожскаго синаксарія мы знаемъ, что сурожане чествовали память новоявленныхъ русскихъ святыхъ, князей Давида и Романа, тѣмъ понятнѣе было чествованіе на Руси греческаго сурожскаго святого.

Надо думать, что русское житіе Стефана появилось именно въ XV вѣкѣ, а не раньше, такъ какъ въ составъ его вошло заимствованіе изъ житія Петра митрополита, а митрополитъ Петръ умеръ въ началѣ XV вѣка. Такое житіе отъ XV вѣка дошло до насъ въ сборникѣ Румянцовскаго музея № 435 и страницы этого сборника, относящіяся къ походу Бравлина, мы приводимъ ниже.

Съ этого же времени на житіе Стефана начинаютъ дѣлаться посылки. Такъ въ жизнеописаніи преп. Дмитрія Прилуцкаго, составленномъ во второй половинѣ XV вѣка, какъ отмѣтилъ В. О. Ключевскій, приведенъ рассказъ изъ Стефанова житія.

Въ XVI вѣкѣ житіе Стефана Сурожскаго разсматривается уже какъ важный историческій документъ, и приведенный въ немъ рассказъ о походѣ князя Бравлина принимается какъ фактъ. Такъ Степенная книга царскаго родословія говоритъ:

«Иже и преже Рюрикова пришествія въ словенскую землю, не худа бяша держава словенскаго языка; воинствоваху бо и тогда на многія страны, на Селунскій градъ и на Херсонъ и на прочихъ тамо, якоже свидѣтельствуеть нѣчто мало отъ части въ чудесѣхъ великомученика Дмитрія и святого архіепископа Стефана Сурожскаго».

Однако въ послѣдующее время довѣріе къ исторической цѣнности житія падаетъ, и эпизодъ съ княземъ Бравинымъ не входитъ ни въ печатный прологъ 1642-го года, ни въ Минеи-Четьи Дмитрія Ростовскаго. Постепенно легенда о походѣ на Сурожъ ускользаетъ изъ историко-литературнаго кругозора, и забывается настолько основательно, что, только благодаря найденному Востоковымъ одному рукописному сборнику съ легендой, наши историки снова вспомнили о ней съ половины XIX вѣка.

Разбирая и оцѣнивая достовѣрность этой легенды, приходили къ самымъ различнымъ заключеніямъ. Одни принимали, другіе отрицали ее, третьи приурочивали, сообщаемый въ легендѣ фактъ, къ болѣе позднимъ временамъ. Составилась цѣлая литература предмета. Куникъ и Гедеоновъ, Иловайскій, Макарій, Филаретъ и Порфирій, Соловьевъ и Бестужевъ-Рюминъ посвятили легендѣ свои строки. Но особенно обстоятельно, съ полною тщательностью, разобралъ вопросъ В. Васильевскій. Ана-

лизируя материалъ, Васильевскій заключаетъ, что русскій излагатель легенды несомнѣнно кое-что добавилъ отъ себя сверхъ того, что было въ греческой рукописи, не той, которая дошла до насъ съ краткимъ житіемъ Стефана, а другой, содержащей житіе съ посмертными чудесами до насъ не дошедшей. Такъ, приспособляясь къ тогдашнимъ литературнымъ вкусамъ русскаго общества, онъ внесъ добавленія изъ житій Іоанна Златоуста и Петра Митрополита. Однако авторъ славяно-русской редакціи Стефанова житія въ отношеніи фактической стороны строго держался греческаго источника. Онъ не сдѣлалъ промаха ни въ наименованіи храма, гдѣ почивали мощи, ни въ другихъ случаяхъ и сохранилъ имя Бравлина, не пытаясь даже пояснить русскому читателю это малопонятное для него имя.

Такія попытки впрочемъ дѣлались позднѣе переписчиками русскаго Стефанова житія. Такъ въ сборникѣ Румянцовскаго музея № 434—XVI вѣка вмѣсто: *князь Бравлинъ*—написано: *князь бранливъ*. Конечно, если бы въ начальной редакціи стояло *бранливъ*, то это слово, не вызывая недоразумѣній, удержалась бы переписчиками и не перешло въ непонятное имя Бравлина *).

Итакъ, у насъ нѣтъ основанія допускать, что легенда о походѣ Бравлина сочинена авторомъ русскаго житія Стефана Сурожскаго, а не почерпнута имъ изъ греческаго источника. Если вспомнить, что кромѣ житія св. Стефана въ русскій церковный обиходъ вошла и служба святому съ двумя канонами, что въ одной изъ стихирь службы Стефанъ величается защитникомъ сурожанъ и хранителемъ града, что тамъ же воспѣвается фактъ, когда нападашіе на Сурожъ потерпѣли неудачу и посрамленіе и что служба святому была, очевидно, составлена въ Сурожѣ, гдѣ покоились его мощи, гдѣ былъ въ честь его построенъ храмъ и гдѣ праздновалась его память,—то все это только подтверждаетъ, что въ полномъ греческомъ житіи должны были заключаться посмертныя чудеса святого и въ томъ числѣ и чудо съ княземъ Бравлинымъ, напавшимъ на Сурожъ.

Авторъ этого полнаго греческаго житія св. Стефана, вѣроятно, жилъ въ относительно близкое къ нему время, потому что до него дошли всѣ подробности его жизни и народный рассказъ о посмертныхъ чудесахъ, съ сохраненіемъ въ точности именъ и названій, исторически правильныхъ.

И нельзя сомнѣваться, что передавая посмертное чудо съ княземъ Бравлинымъ, онъ имѣлъ въ виду хорошо извѣстный ему историческій, а не вымышленный фактъ нападенія русскихъ на Сурожъ.

На Сурожъ, какъ и на все побережье Крыма, въ тѣ времена не разъ нападали варварскіе отряды, грабили и опустошали богатые берега. Объ этомъ свидѣтельствуесть, напримѣръ, итальянская легенда о перенесеніи мощей св. Климента, историческій характеръ которой не подлежитъ сомнѣнію; а житіе Георгія Амастридскаго, которое дошло до насъ въ греческой рукописи, устанавливаетъ, что нападенія русскихъ на черноморское побережье имѣли мѣсто ранѣе 842 г.

*) Къ тому же заключенію приводитъ сопоставленіе текстовъ Торжественниковъ Румянцовскаго Музея № 434 и 435.

Такимъ образомъ слѣдуетъ признать, что какой-то русскій князь Бравлинъ въ концѣ VIII-го или въ началѣ IX-го вѣка, сдѣлавъ успѣшный набѣгъ на побережье Крыма, дѣйствительно осадилъ и взялъ Сурожъ, и вполне допустимо, что, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ своего соприкосновенія съ христіанскимъ міромъ, приобщился и самъ къ нему.

Кого же авторъ грекъ той эпохи могъ имѣть въ виду подъ именемъ русскихъ или россовъ?

Греческій писатель X-го вѣка Левъ Діаконъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что императоръ Никифоръ послалъ Калокира къ тавро-скиѳамъ, называемымъ обыкновенно россами, и что Калокиръ, пришедши въ Скиѳію, понравился начальнику тавровъ (Святославу). Надо думать, что и авторъ Стефанова житія, говоря о русскихъ, имѣлъ въ виду тѣхъ же тавро-скиѳовъ, обитавшихъ въ Приднѣпровьѣ, въ Тмутаракани и въ Тавридѣ.

Надъ этими тавро-скиѳскими племенами господствовали хозары, но господство хозаръ было непрочно, такъ что подвластные имъ народы имѣли возможность дѣйствовать въ иныхъ случаяхъ вполне самостоятельно.

Въ 839 году, по словамъ Бертинской лѣтописи, въ Ингельгеймъ къ Людовику Благочестивому прибыли черезъ Константинополь, вмѣстѣ съ послами Императора Феофила, послы отъ имени какого-то Хакана и заявили, что ихъ зовутъ русскими.

Хаканъ? Былъ ли то ихъ прямой государь или хазарскій каганъ—верховный властитель, трудно сказать.

Но и это посольство отчасти говоритъ за то, что сообщаемая сурожскою легендою свѣдѣнія о походѣ русскаго князя Бравлина на Крымъ и Сурожъ—не выдумка, а исторически вполне допустимый фактъ.

Само непонятное имя Бравлина не носитъ ли вестготскаго отпечатка? (Извѣстенъ, напримѣръ, вестготскій епископъ Брулиненъ).

Легенда указываетъ и мѣсто, откуда пришелъ нашъ Бравлинъ; это—Новгородъ. Одни догадываются, что русскій излагатель самъ отъ себя добавилъ въ греческое свѣдѣніе о походѣ названіе русскаго города, гдѣ былъ особый Сурожскій дворъ; другіе допускаютъ, что писатель-грекъ имѣлъ въ виду не русскій Новгородъ, а тотъ Неаполисъ (Новгородъ), который упомянуть въ декретѣ Діофанта и который находился вблизи нынѣшняго Симферополя.

Мы рѣшили привести сурожскую легенду въ томъ ея освѣщеніи, въ которомъ она представляется современными намъ изслѣдователями, имѣя въ виду, что въ широкихъ кругахъ русскаго общества легенда эта мало извѣстна и что знакомство съ научными трудами изслѣдователей не всѣмъ доступно.

Память о св. Стефанѣ и доселѣ чтима въ Судакскомъ округѣ. Верстахъ въ пятнадцать отъ Судака, въ Кизильташскихъ горахъ, ютится монастырь его имени, русскій монастырь пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, но монахи увѣряютъ, что монастырь построенъ на томъ именно мѣстѣ, гдѣ во времена, близкія къ Стефану, былъ

построенъ храмъ въ честь этого святого. Имя Стефана распространено и въ русскомъ и въ инородческомъ населеніи общины, но народъ не сохранилъ памяти ни о св. Софїи, гдѣ покоились мощи святого, ни о храмѣ его имени въ Судакѣ; остались памятны лишь Желѣзныя ворота. Неподалеку отъ нѣмецкой колоніи, въ сторону Новаго свѣта, выходи изъ ущелья и доселѣ носить имя желѣзныхъ воротъ, а вблизи можно найти остатки старинныхъ построекъ.

Не здѣсь ли нужно предположить мѣстоположеніе Сурожа время св. Стефана и похода на Сурожъ русскаго князя Бравлина?

